

Въ ожиданіи суда. (Картина Касаткина).

Буря жизни.

Тучи нависли надъ далью залива,
Бился о берегъ безъ устали валъ,
Обвитый волнами ночного прилива
Я съ черною думой на камнѣ стоялъ.

* * *

Уставши бороться съ житейской рутиной
И ложь ненавидя мятежной душой,
Я слиться задумалъ съ морскою пучиной—
Отъ пошлости свѣта найти въ ней покой.

* * *

Дышало просторомъ ревущее море
Сливаясь съ волнами, клубился туманъ,
— Но съ бурей стихало въ душѣ моей горе
И боль исчезала растравленныхъ ранъ.

* * *

Къ жизни оцять меня море манило
Вѣчной борьбою могучихъ валовъ,
Стала постыдной безъ боя могила—
И съ жизнью къ борьбѣ я былъ снова готовъ.

Николай Невскій.

ВОЛКЪ.

Снѣжить...
Темная морозная ночь раскинула
длинныя черныя крылья надъ бѣлою
степью.

Бархатное небо горитъ миллионами
серебряныхъ звѣздъ...
Спять степь тяжелымъ, угрюмымъ
сномъ...

Замерли живые звуки...
Между сугробами, на далекомъ го-
ризонтѣ, мелькаетъ зерное пятно, да
два чмхъ-то горящихъ глаза—угля
искрятся въ ночномъ сумракѣ.
Тошій, костлявый, съ поджатымъ хво-
стомъ, мечется голодный волкъ по
бѣлымъ полянамъ.

Унылый голодный вой раздается въ
пустынной степи, вѣтеръ подхваты-
ваетъ и разноситъ его далеко—далеко,
и слышится въ этомъ воѣ гнѣвъ, то-
ска, отчаяніе одиночества...

Вдали привѣтливо мелькаютъ огонь-
ки, зовуть и манятъ... дразнить...

И снова вой. долгій, протяжный
раздается въ морозномъ воздухѣ, то-
нетъ надъ снѣжнымъ моремъ, прони-
каетъ въ тѣ кукольные домики, зане-
сенные снѣгомъ,—гдѣ такъ привѣт-
ливо мигаютъ и пляшутъ огоньки,
напоминая о теплѣ и уютѣ, и раздра-
жаютъ своимъ спокойнымъ мерца-
ніемъ...

На столѣ, пугая мохнатыхъ тѣни,
одинокое горитъ свѣча.

Въ полутьмѣ, на полу, бросая послѣдніе кровавые отблески изъ огненной рѣшетки, гудитъ умолкающій самоваръ...

Тусклый свѣтъ падаетъ на склоненную сѣрую голову еще не стараго человѣка.

Руки его слегка дрожатъ... Вспомнилось минувшее, пережитое, хочется написать кому нибудь, излить душу...

Но кому?

Въ головѣ лѣниво роются образы прошлаго...

Вотъ выдѣлился и всталъ яркій призракъ—давно когда-то любимой дѣвушки...

И ей онъ напишетъ...

Она пойметъ, не осудитъ...

— Вы навѣрно успѣли уже забыть обо мнѣ, далекій другъ!

Но я хочу напомнить вамъ о себѣ, рассказать, какъ живутъ люди въ волчьихъ углахъ.

Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, когда казалось намъ, что счастье улыбається людямъ, что стоитъ только начать, предпринять, и каждое дѣло, несомнѣнно, увѣнчается успѣхомъ...

Много было молодыхъ неизжитыхъ силъ, красивыхъ грезъ, были высокія стремленія работать на пользу родины, народу, хотѣлось отрѣшиться отъ личной жизни, свершить великій подвигъ...

Огромное сложное чувство любви было къ вамъ, мой добрый другъ, но оно растворилось, заглохло...

Съ безконечной нѣжностью я любилъ васъ...

Вотъ и сейчасъ предо мной плывутъ ваши лучистые глаза, и берутъ они мою душу...

Я представляю васъ такой-же, какъ прежде—скорбной, тихой, ласковой...

Но развѣ я могъ раздумывать въ то время надъ этимъ, стоять надъ пропастью...

Мнѣ казалось, что, полюбя васъ, я не смогу всецѣло отдаться тому дѣлу, которое звало меня и которому я хотѣлъ посвятить все свои силы, принести хоть каплю пользы.

Я боролся съ собой и вышелъ побѣдителемъ изъ той борьбы: я ушелъ отъ васъ...

Что-же мнѣ дала побѣда?

Двадцать лѣтъ, не покладая рукъ, не переставая думать, я работалъ, училъ, помогалъ разбираться въ жизни большимъ темнымъ людямъ, отдавалъ всего себя другимъ.

И развѣ уменьшилась хоть на йоту человѣческая несправедливость, развѣ стала лучше вся эта нескладная, горькая мужицкая жизнь?

Нѣтъ!..

Невѣжество, нужда, голодъ, безправіе свили здѣсь прочное гнѣздо...

Кровавая слезы огненнымъ моремъ льются по родному краю.

Нужны силы великія, молодцы, бодрья...

Одинъ въ полѣ не воинъ.

Я одинъ среди враговъ, которые направляютъ на меня тѣхъ, кому отдалъ все, что только могъ отдать: молодость, первое чистое чувство, счастье...

Жутко и уныло мнѣ въ хмурыхъ бревенчатыхъ углахъ, нѣтъ больше силъ...

Меня душить...

Помните, не разъ вы говорили и писали: когда будетъ трудно, позовите меня и я приду на помощь...

Теперь это время настало, я зову васъ:

Идите, работайте, продолжайте святое дѣло, любите его всею душой, какъ я любилъ васъ...

Я, старый, искалѣченный жизнью ветеранъ, выбываю изъ строя, вы вставляйте на мой отвѣтственный постъ и бейтесь до послѣднихъ силъ, до послѣдней капли крови... Когда-же и вы истомитесь душой, зовите себѣ на смѣну другихъ... Повѣрьте: ихъ много, они придутъ, бодрые, смѣлые, самоотверженные... Правда, погибнуть многіе изъ нихъ въ неравной борьбѣ, но все-же истина восторжествуетъ, свѣтъ побѣдитъ тьму... Будемъ, дорогой другъ, вѣрить въ грядущее, свѣтлое и радостное и на время забудемъ о своемъ маленькомъ личномъ счастьѣ, во имя великой любви къ народу...

Итакъ, я жду васъ... А вдругъ вы...

Онъ отложилъ въ сторону письмо, всталъ и началъ ходить—метаться въ своей деревянной клѣткѣ...

Образы давно минувшаго прошлаго, то свѣтлые и ясные, какъ солнечный

день, то мрачные и тяжелые, какъ эта ночь, проносились вереницей въ возбужденномъ мозгу, переплетались съ ужасами настоящего, вызывали жгучую тоску... Холодная ночь смотрѣла въ окна...

Въ трубѣ заунывно плакалъ вѣтеръ...

Вдругъ тамъ вдали, за рѣкой, раздался не то крикъ ребенка, не то стонъ умирающаго.

— Волкъ воетъ...—вздригнулъ учитель, и самъ себѣ показался затравленнымъ звѣремъ, забитымъ загнанымъ, одинокимъ...

Онъ сталъ вслушиваться въ пѣсни ночного гостя, не замѣчая, какъ падали крупныя слезы одна за другой на грязный полъ изъ глазъ.

Невѣдомая жуть больно сжала сердце...

Мертвая, глубокая тишина.

Вѣтеръ жалобно стонетъ, бродитъ по степи, доноситъ откуда-то неясныя больныя звуки...

Воетъ заунывно волкъ, плачетъ учитель надъ недописаннымъ письмомъ, склонивъ низко сѣдую голову...

Н. Карукесъ.

Весна.

Первый говоръ ручья, первый шопотъ березъ
Разбудилъ мою грудь къ жизни новой,
Первый свистъ соловья, пѣсня счастья и грезъ...
Больше нѣтъ жизни скучной, суровой!

Растворилъ я окно... Вольный вѣтеръ весны
Меня лаской своею обвѣялъ.
Я отъ счастья рыдалъ... а кошмарные сны?
Въ поднебесьи ихъ вѣтеръ разсѣялъ.

Первый говоръ ручья, первый плескъ на рѣкѣ,
И я снова душой... оживаю,
Первый свистъ соловья, первый громъ вдалекѣ—
Вторая имъ, пѣснь запѣваю!

Сергѣй Ганшинъ.

«Памятники» Толстому*.)

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ бурный порывъ любви и скорби охватилъ русское общество. И какъ, по общимъ отзывамъ, у открытой могилы, приготовленной для праха Льва Толстого, стерлось и забылось различіе между интеллигентомъ и крестьяниномъ, такъ и вообще во всемъ, въ чемъ проявляло себя русское общество въ первые дни послѣ 7-го ноября, выказалось непреднамеренное и изумительное въ своей стихійности единодушіе. Одной изъ самыхъ разительныхъ чертъ этихъ скорбныхъ и незабвенныхъ дней было охватившее всѣхъ стремленіе исполнить нѣкій громадный долгъ передъ великимъ, отошедшимъ отъ насъ. Это чувство большей благодарности,—вѣр-

нѣе—большей отвѣтственности, чѣмъ передъ другими покидающими насъ дорогими современниками, сказалось въ томъ, что всѣ употребительныя приемы общественаго выраженія скорби и запечатлѣнія памяти не удовлетворяли, казались несоизмѣримыми съ величіемъ Толстого, ничтожными и жалкими. Стихійный поискъ небывалаго, громаднаго дѣла,—дѣла, достойнаго памяти Толстого,—всколыхнулъ одновременно все русское общество.

Вотъ почему 7-е мая,—полугодовщина смерти Толстого,—должно быть не только днемъ памяти, но и днемъ итоговъ. Порывъ прошелъ, и настали будни. Оглянуться же обществу среди будней на то, что сдѣлано имъ изъ задуманнаго въ дни подъема, значить оглянуться на себя.

Въ хаотической на первый взглядъ вереницѣ рѣшеній и предложеній, воз-

*) „Р. В.“

никавшихъ въ тѣ дни на всемъ протяженіи нашей родины, сразу устанавливается стройный порядокъ. Выдѣляются рѣшенія и предложенія сдѣлать немедленно же, тутъ же, хотя бы малое, но сейчасъ, своими силами, исполнимое дѣло у себя, чтобы въ близости создалось непосредственное постоянное напоминаніе о Толстомъ. Таковы: учрежденіе стипендій, училищъ, библиотекъ, читаленъ и т. п. имени Толстого; помѣщеніе въ общественныхъ зданіяхъ его портретовъ или бюстовъ; наименованіе улицъ его именемъ и т. д. Но этимъ нигдѣ не ограничиваются: или устраиваютъ комиссіи для разработки наилучшихъ способовъ увѣковѣченія памяти Толстого, или сразу выступаютъ съ конкретными предложеніями общенациональнаго или даже всечеловѣческаго характера. И достойно, какъ мы уже сказали, замѣчанія, что среди такихъ именно пред-

Мы все знаемъ, что изъ этого вышло. Подводя итоги, въ первую минуту невольно хочется сказать: „Сужденія намъ благіе порывы“... Но это было бы глубоко несправедливо. Возстановивъ исторію первыхъ шести мѣсяцевъ „дѣла въ память Толстого“, можно убѣдиться, что общество встрѣтилось съ дѣйствительно непреодолимыми препятствіями, и пока еще по крайней мѣрѣ преждевременно говорить: „Но совершить ничего не дано“. Мы попытаемся это доказать.

Всероссійскія начинанія.

1. Борьба за отмену смертной казни.

10-го и 11-го ноября парламентскія фракціи народной свободы, трудовиковъ и социаль-демократовъ внесли въ Государственную Думу рядъ законодательныхъ предположеній, въ которыхъ выразились тѣ формы почтенія памяти

неніе съ нѣ. Не пришла... чемъ эта воля въ точности заключается, но создалось твердое убѣжденіе, что она касается и Ясной Поляны, и сочиненій Л. Н. Изъ завѣщанія выяснилось,—и это въ тотъ моментъ и оказало наибольшее дѣйствіе,—что Л. Н. предугадалъ способъ, средства осуществленія своей воли. И общество сдѣлало то, что оно только и могло, что оно должно было сдѣлать. Какъ вопросъ объ участіи общества въ рѣшеніи судьбы Ясной Поляны, такъ и вопросъ о сочиненіяхъ Л. Н. были сняты съ очереди,—сняты сразу, какъ и были поставлены,—по безмолвному, стихійному соглашенію.

3. Всероссійскій памятникъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло о всероссійскомъ памятникѣ. Почти по-

ВИДЫ ГОР. С.-ПЕТЕРБУРГА.

Невскій проспектъ.

ложеній нѣтъ разнообразія, хотя тутъ-то, въ области грандіозныхъ предположеній, его и слѣдовало ждать. Не было, въ сущности говоря, и фантастики.

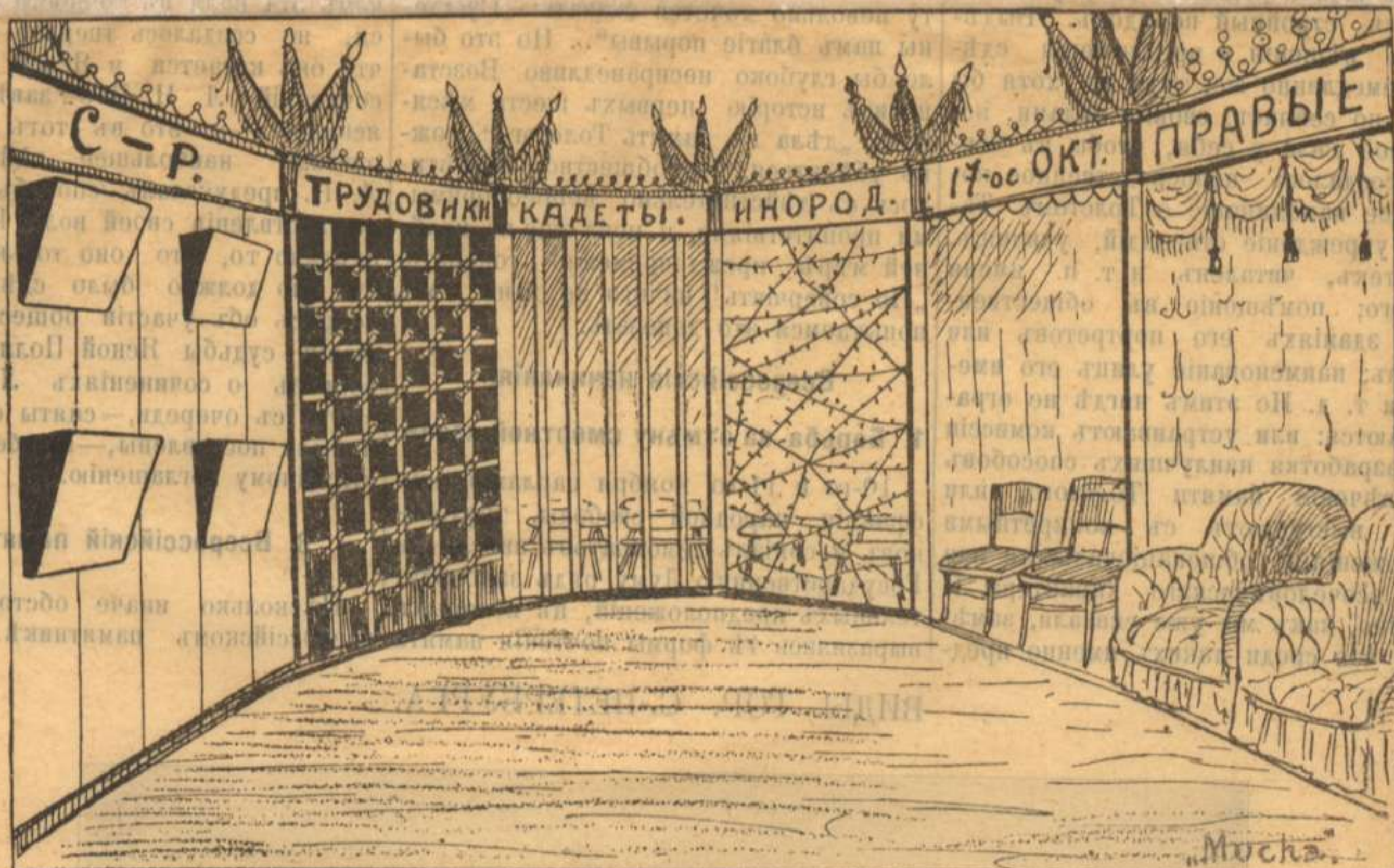
Въ предложеніяхъ этихъ необдуманно, конечно, но удивительно все-же точно выразилось стремленіе воздать долгу Толстому—человѣку, Толстому-писателю, Толстому-проповѣднику. Всероссійскій памятникъ,—выкупъ Ясной Поляны,—человѣку; выкупъ произведеній и обращеніе ихъ во всенародное пользованіе—писателю; движеніе противъ смертной казни—проповѣднику. Независимо отъ результатовъ уже въ этомъ сказалось, что русское общество, иногда какъ бы расхолодившееся съ Толстымъ, понимало его, любило его во всемъ, что онъ думалъ, писалъ и дѣлалъ, что русское общество нераздѣльно приняло его въ свое сознаніе, въ свою душу. Оно сразу и безъ ошибки, безъ метаній поставило передъ собой именно тѣ задачи, которыя были достойны и общаго чувства, и памяти Толстого.

Льва Толстого, которыя получили всероссійскую санкцію: отмена смертной казни, выкупъ на государственный счетъ всехъ сочиненій Л. Н., выкупъ яснополянской усадьбы, домика въ Астаповѣ, ассигновка на памятникъ въ Москвѣ и открытіе ряда народныхъ университетовъ. Первое, основное изъ предположеній, было отвергнуто большинствомъ третьей Думы 12-го ноября, остальные погребены въ комиссіи. Тутъ вина не общества. И это сказало въ рядѣ печальныхъ событій, омрачившихъ тѣ дни.

2. Выкупъ Ясной Поляны и сочиненій.

Вскорѣ, 16-го ноября, сталъ извѣстнымъ одинъ фактъ совсѣмъ иного порядка, сразу остановившій, однако, работу для осуществленія наиболѣе ярко выдвинутыхъ задачъ: выкупа Ясной Поляны и сочиненій Л. Н. Было опубликовано его завѣщаніе. Общество узнало,—въ общихъ, правда, чертахъ,—что Л. Н. выразилъ свою послѣднюю волю и поручилъ ее испол-

всемѣстно и одновременно было признано, что памятникъ долженъ быть поставленъ въ Москвѣ. И въ полномъ соответствіи съ такимъ всероссійскимъ признаніемъ права Москвы на эту высокую честь въ сознаніи лежащей на Москвѣ обязанности группой прогрессивныхъ гласныхъ 8-го ноября было внесено въ московскую городскую думу заявленіе о необходимости возбудить ходатайство объ открытіи всероссійской подписки на памятникъ Л. Н. Толстому въ Москвѣ. 16-го ноября предложеніе это было думой принято, при чемъ было ассигновано изъ городскихъ средствъ 10,000 р. на внесеніе въ фондъ памятника по разрѣшеніи подписки. Исполнить это постановленіе было поручено особой комиссіи изъ 10-ти гласныхъ подъ предѣлательствомъ городского головы. Что въ этомъ отношеніи сдѣлала комиссія, сдѣлала ли она вообще что-либо, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, не опубликовано ею. Также неизвѣстно, какая судьба постигла такое же предположеніе, возникшее въ засѣданіи от-

Распределение членовъ Г. Думы въ залъ засѣданія съ цѣлью лучшей изоляціи „овець“ отъ „козлицъ“.

дѣла изящной словесности академіи наукъ 4-го января 1911 г. И тутъ, по видимому, общество въ цѣломъ должно быть оправдано. Пока имѣющими право на такія ходатайства учрежденіями не получено разрѣшеніе на открытіе подписки, ея и быть не можетъ. И понятно, что поэтому начавшееся-было поступленіе пожертвованій частныхъ лицъ и ассигновки учрежденій должны были прекратиться.

Провинція.

Провинціальныя начинаній такъ много, что трудно дать даже самое краткое приблизительное ихъ перечисленіе. Нужно выдѣлать рѣшеніе 30-ти организацій Нижняго-Новгорода, принятое по инициативѣ общества распространенія народнаго образованія, создать народный университетъ и музей имени Толстого, пристроить для этого новую аудиторію къ народному дому, для чего перечислить всѣ имѣющіяся суммы въ специальный фондъ. Правленіе общества Рязанско-уральской ж. д. распорядилось прибить къ дому въ Астаповѣ доску съ надписью: „7-го ноября здѣсь умеръ Левъ Николаевичъ Толстой“. Домъ очищенъ отъ жилыхъ помѣщеній. Предполагается устроить въ немъ музей. Разнообразныя стипендіи имени Толстого постановлено учредить въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Харьковѣ, Варшавѣ, Екатеринодарѣ, Бѣлостокѣ, с. Городцѣ (Нижегородской губ.), Александровѣ, Перми, Калугѣ и т. д. Библиотеки-читальни имени Толстого — въ Херсонѣ, Владимірѣ, Ярославлѣ, Саратовѣ и др. Школы вновь учредить или назвать имени Толстого въ Смоленскѣ, Кіевѣ (3), Владимірѣ, Елизаветполѣ, Николаевѣ и др. Въ рядѣ городовъ постановлено назвать улицы именемъ Толстого. Въ Сочахъ — лучший приморскій паркъ. Въ Таганрогѣ постановлено открыть дѣтскій садъ им. Толстого; въ Ново-Николаевскѣ и Смоленскѣ — народные дома, и т. д., и т. д. Въ Костромѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Казани,

Симферополѣ, Калугѣ, Вологдѣ, Рязани, Тулѣ, Кишиневѣ, Симбирскѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринбургѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Батумѣ, Феодосіи и многихъ другихъ городахъ были образованы специальныя комиссіи мѣстными думами для разработки вопроса объ увѣковѣченіи памяти Толстого. Почти ничего не было зато ни сдѣлано, ни начато земствами.

ваго полугодія „работы въ память Толстого“. Мы указали причины, остановившія первый порывъ. Но теперь очередь за спокойнымъ обсужденіемъ и трудомъ. И надо надѣяться, что черезъ полгода, къ 7-му ноября, когда снова вся Россія остро переживетъ скорбь великой утраты, начатыя работы будутъ уже возобновлены.

Таковы въ самыхъ сжатыхъ и общихъ чертахъ итоги истекающаго пер-

НЕДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ.

Держи вора.